КОКОРЕНКО ВИКТОРИЯ ЛЕОНИДОВНА
кандидат психологических наук, декан факультета прикладной психологии, заведующая кафедрой психологии развития Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы

KOKORENKO V.
Ph. D dean of the faculty of practical psychology of St. Petersburg state institute of psychology and social work

ОТЦОВСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН
FATHERHOOD AS SOCIOPSYCHOLOGICAL PHENOMENON

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются проблемы психологии отцовства. По материалам новейших исследований различных авторов приводится теоретическая модель структуры отцовства, поднимаются проблемы освоения мужчиной социальной роли отца, описываются функции роли отца. Раскрывается понятие психологической готовности к отцовству. Обсуждается влияние отца на психическое развитие ребенка, полоролевую идентичность подростков и юношей, а также влияние отцовства на оптимизацию развития личности самого мужчины.

ABSTRACT: The article deals with the psychological problems of fatherhood. Having considered the latest approaches of different scholars to this phenomenon the author gives the theoretical framework of fatherhood, raises the questions of the man's mastering a father's role and describes functions of this role. The notion of psychological readiness for fatherhood is defined in the article. The author also touches upon the father's influence on the psychic development of a child, role-play identity of teenagers and young men and upon fatherhood influence on the optimum personality development of the man himself.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: отцовство, теоретическая модель отцовства, отцовство – как социальная роль, психологическая готовность к отцовству, «ловушки отцовства», полоролевая идентификация, влияние отца на психическое развитие ребенка, влияние отцовства на развитие личности мужчины.

KEY WORDS: fatherhood, theoretical model of fatherhood, fatherhood as social role, psychological readiness for fatherhood, "fatherhood traps", sex – role identity, father's influence on the psychic development of a child, fatherhood influence on the man's personality development.

Родительство — значимый аспект в жизни каждого человека, поэтому существует большое количество исследований по данной теме. При этом наблюдается масса исследований материнской роли, статуса, чувства материнства, психологической готовности женщины к материнству, а вопросы психологии отцовства только начинают изучаться.

У понятия «отцовство» на сегодняшний день нет единого четкого определения.

Ю.В. Борисенко определяет отцовство как категорию личности, отражающую основные этапы ее развития, характеризующую комплекс интегральных, социальных и индивидуальных характеристик, проявляющихся на всех уровнях жизнедеятельности человека: эмотивно-аксеологическом, когнитивном и операциональном [4].

Т.В. Архиреева рассматривает отцовство с двух точек зрения: как обеспечение условий развития ребенка и как часть личностной сферы мужчины. Кроме этого, отцовство рассматривается как открытая система, имеющая устойчивую структуру — компоненты, связи и уровни, и осуществляющая взаимосвязь с окружающей средой, в результате чего становится возможным ее развитие. На рисунке 1 представлена теоретическая модель структуры отцовства [2]. Автором отмечается, что биологические предпосылки родительства имеют особое значение для становления зрелого материнства, значение же этого уровня для становления зрелого отцовства не ясно.

Второй уровень родительства — социальный и можно рассматривать отцовство как социальную роль, которая обусловлена семейно-культуральными моделями отношений.

При рассмотрении отцовства как социальной роли можно выделить роль отца в психосексуальном развитии ребенка. З. Фрейд выделял следующие важнейшие аспекты взаимоотношений отца и ребенка:

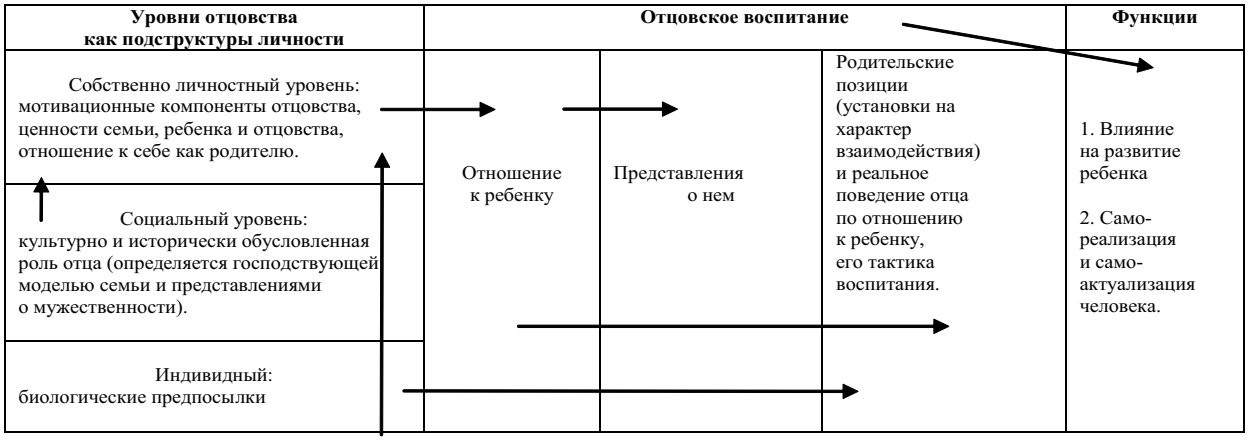

Рисунок 1. Теоретическая модель структуры отцовства

1) отец — воплощение силы, как объект восхищения и любви

2) отец как объект реализации потребности в безопасности и защите

3) отец как авторитет, который наказывает за проступки и таким образом регулирует поведение, а в дальнейшем и моральные установки человека.

По нашему мнению, освоение роли отца мужчиной осложняется множеством различных факторов:

- социально-культурными стереотипами, касающимися собственно отцовства и взаимоотношений отца с ребенком;
- отсутствием четкой регламентации функционала отцовской роли;
- несовпадением современных представлений о «настоящем мужчине» и «хорошем отце»;
- собственным опытом взаимоотношений с отцом в детстве;
- подавлением проявления чувств по отношению к ребенку, особенно в присутствии женщин;
- тем, что женщины часто отстраняют мужчин от заботы о детях;
- тем, что женщины воспринимают отца как заместителя матери, хотя, по сути, они выполняют разные функции.

В литературе единодушно отмечают такие важнейшие функции роли отца:

1) «Кормилец» — исторически сложившаяся и закрепившаяся функция мужчины как кормильца семьи. Исследования последних лет показали, что для современных мужчин крайне важно быть материально обеспеченным (т.е. функция «кормильца семьи» является первоочередной, а ее реализация позволяет повышать собственную значимость и как отца, и как настоящего мужчины) [1,2,4].

2) «Защитник» — также исторически закрепленная функция. И хотя в современном обществе отец не всегда защищает ребенка от непосредственной опасности, он выполняет функцию социальной защиты (возможности образования, обучения, выбора профессии), а также опосредованно через собственный социальный статус и экономическое положение.

3) Презентативно-воспитательная — отец представляет собой персонификацию власти, прививает нормы и правила поведения, во многом может вносить вклад в профессиональный выбор ребенка, расширяя его кругозор, занимаясь, особенно с мальчиком, каким-либо совместным делом.

4) Ментальная — модель идентификации для ребенка.

5) Социализирующая — наставник во внесемейной общественной деятельности, обеспечение связи поколений — традиций, трансляция социальных норм. Быть отцом – значит быть носителем истины, нормы в семье. Когда отец – носитель нормы, с ним связано чувство опоры, надежности и уверенности у других членов семьи.

Многогранность данного феномена описывается некоторыми специалистами как «комплекс отцовства» [5].

В настоящее время обсуждается вопрос о связи социальной роли отца с полоролевой идентификацией мужчины и образом «настоящего мужчины», детерминируемым культурно-ценностными ориентациями общества. Неоспоримо, что отцовство тесно связано с полоролевой идентификацией мужчины, но не с каждой маскулинной моделью оно согласуется. Дж. Плек выделил факторы, из которых складывается структура полоролевых норм маскулинности: статуса, твердости, антиженственности [2].

Норма успешности (статуса) основывается на гендерном стереотипе о том, что социальная ценность мужчины определяется величиной его заработка и успешностью на работе. Этот стереотип отрицательно влияет на исполнение мужчиной родительских функций, так как, чтобы соответствовать этим ожиданиям, мужчина должен почти все свое время посвящать работе. Норма твердости базируется на стереотипе мужественности, согласно которому мужчина должен обладать физической силой, высокой биологической активностью, должен быть знающим и компетентным, уметь разрешать свои эмоциональные проблемы без посторонней помощи и, более того, испытывать мало чувств. Норма антиженственности предписывает мужчинам избе-

гать специфических женских видов деятельности и фемининных моделей поведения.

И. С. Кон отмечает, что в настоящее время обнаруживается «кризис маскулинности», причинами которого являются изменения социальных условий и отношений. Изменения в структуре гендерных ролей преломляются в социокультурных стереотипах маскулинности. Идеальный тип «настоящего мужчины», который всегда был условным, теперь окончательно утратил свою монолитность, а некоторые его компоненты, ранее считавшиеся положительными (например, подавление чувств и сдерживание их проявлений), стали проблематичными, дисфункциональными, уместными лишь в отдельных строго ограниченных условиях [10].

Личностный уровень отцовства — часть личностной сферы человека, включающий сформированные ценности, потребности, мотивы и отношения. Этот уровень интегрирует все имеющиеся на предыдущих уровнях предпосылки родительства. Таким образом, модель семейных отношений, усвоенная мальчиком, сформированная под влиянием условий социализации его гендерная идентичность, будут оказывать влияние на отцовство как личностное образование, основу которого составляют мотивы, ценности и отношения.

Психологическая готовность к отцовству

Р. В. Овчарова определяет психологическую готовность к отцовству как сформированность всех сторон личности, предполагающих выполнение возложенных обязанностей и принятых обязательств; качество представлений об отцовстве и оценку собственной готовности стать отцом [12].

Многие исследователи говорят о том, что одной из детерминант психологической готовности к отцовству является возраст. Т. В. Архиреева и О. В. Федосова предложили структуру психологической готовности к отцовству, проведя исследование среди мужчин разного возраста [3].

1) Первым компонентом являются особенности коммуникативного опыта мужчины в детстве. С помощью семейной социограммы было обнаружено, что у большинства мужчин 25-35 лет отмечается значимость для них как отца, так и матери, меньшая дистанция в отношениях к обоим родителям. Кроме того, мужчины этого возраста видят в себе в большей степени идеальных отцов, что отражает их большую психологическую готовность к отцовству по сравнению с более молодыми.

У большинства мужчин от 16-24 лет отмечается значимость матери, меньшая значимость отца, большая дистанция в отношениях с обоими родителями. Мужчины данного возраста видят в себе в большей степени настоящих мужчин.

2) Второй компонент — переживания мужчиной отношения к еще не родившемуся ребенку на этапе беременности женщины. Важным этапом в становлении родительского поведения является период от зачатия до рождения ребенка. Предположительно, наиболее благоприятной ситуацией для будущего родительского поведения являются желанность ребенка, наличие субъектного отношения отца к еще не родившемуся младенцу, которое проявляется в любви к нему, мысленной или вербальной адресованности.

3) Третьим компонентом являются установки мужчины на стратегию воспитания ребенка. То, как он намеревается осуществлять уход за ним (т.е. ориентироваться на потребности младенца или на собственные представления о необходимом ему), также будет свидетельствовать о преобладании субъектного или объектного отношения к ребенку. Это может служить основанием для прогноза эффективности последующего отцовского поведения.

4) Четвертый компонент — мотивы отцовства. Благоприятным является наличие у мужчины осознанных мотивов отцовства. Э. Диси и Р. Риан говорят о внутренней мотивации (свободное участие в деятельности при отсутствии внешних требований и подкреплений) [2]. Внутренне мотивированное поведение базируется на потребности человека быть компетентным, потребности в автономии и потребности в положительном взаимодействии с другими людьми. От состояния этих компонентов внутренней мотивации зависит отношение отца к ребенку. Главным мотиватором для мужчин 16-24 лет является благоприятное материальное положение (50 % испытуемых), а для мужчин 25-35 — желание иметь детей от любимого человека (72 %). Кроме того, при самооценке родительской компетентности, степени автономности, удовлетворенности отношениями с детьми уровень родительской компетентности и автономности выше во второй группе. Это означает, что мужчины 25-35 лет в большей степени считают, что справятся с родительскими обязанностями и не воспринимают их как обременяющие и ограничивающие личную свободу.

5) Пятый компонент — ценности. Наличие или отсутствие ценностных ориентаций, касающихся семьи и детей, в структуре ценностей у мужчин определяет качество отношений с ребенком. Для мужчин 16-24 лет большую значимость имеют профессиональные и финансовые ценности, а для мужчин 25-35 лет – семейные и профессиональные. Таким образом, у мужчин первой группы среди главных ценностей отсутствуют семейные, что отражает их низкую психологическую готовность к отцовству.

Также важен и уровень выраженности у мужчин представлений, снижающих ценность отцовства («ловушки отцовства», которые были описаны Г. С. Абрамовой [1]).

1. «Ловушка простой цели» — отказ от наличия экзистенциальной цели в роли отца («Кормлю, пою, одеваю, что еще надо?»).
2. «Ловушка ожидаемого долженствования» («Я тебе отец, поэтому ты меня должен любить и уважать»).
3. «Ловушка нормальности», или «все, как у людей» — потенциальный отказ от понимания и принятия уникальности своей жизни и жизни членов своей семьи.
4. «Ловушка правоты силы», или «против лома нет приема» — отказ от всех возможных способов разрешения конфликтов, кроме силовых или связанных с демонстрацией силы.
5. «Ловушка возраста» («Я еще молодой, погулять хочется», «Он еще ничего не понимает, пусть

мать с ним возится»). Ориентация на физический возраст как критерий развитости человека.

6. «Ловушка подарка» («Я ему все покупаю, что захочет»). Подмена предметами экзистенциальности в отношениях, игнорирование ценности личностного общения.

7. «Ловушка потребительства», или «в семье можно расслабиться». Чувства других членов семьи не учитываются.

8. «Ловушка превосходства пола» — заведомый отказ от способов решения жизненных задач «женским» способом.

9. «Ловушка социальной ценности пола» («Мальчик себе всегда дорогу пробьет», «Мужчину везде на работу возьмут»). Отказ от экзистенциальных переживаний как бессмысленных, трудных, ненужных и т.п.

10. «Ловушка ревности к детям» — необходимость считаться с тем, что внимание жены принадлежит (иногда достаточно большое время) маленьким детям и вообще другим людям.

В случае выраженности данных «ловушек» нельзя говорить о сформированности ценности отцовства. В исследовании была выявлена значимая корреляционная зависимость между выраженностью «ловушек» и самооценкой мужчины как отца, и степенью согласованности образов «идеального отца» и «настоящего мужчины». При выраженности представлений, снижающих ценность отцовства, оценка себя как отца значительно ниже, чем в том случае, если «ловушки отцовства» отсутствуют, или выражены слабо. Согласованность образов «идеального отца» и «настоящего мужчины» соотносится с низким уровнем выраженности «ловушек отцовства», а несогласованность — с высоким [2].

Влияние отца на психическое развитие ребенка

Э. Фромм, впервые описавший существенное различие между материнской и отцовской любовью, считает, что материнская любовь безусловна. «Мать — это дом, из которого мы уходим, это природа, океан». «Отец представляет собой другой полюс человеческого существования, где — мысли, вещи, созданные человеческими руками, закон и порядок, дисциплина, путешествия и приключения. Отец — это тот, кто учит ребенка, как узнавать дорогу в большой мир». В идеале материнская любовь не пытается мешать ребенку взрослеть, не поощряет его беспомощность, напротив, помогает стать независимым, способным отделиться от нее. «…Отцовская любовь должна руководствоваться принципами и ожиданиями; она должна быть терпимой и терпеливой, а не угрожающей и авторитарной. Она должна давать взрослеющему ребенку растущее чувство компетентности и, в конце концов, привести к тому, что он станет полагаться лишь на себя и перестанет нуждаться в отцовском авторитете» [13].

Еще до рождения отец оказывает влияние на развитие ребенка через обеспечение благоприятных условий для беременной жены (партнерши). Позднее отец помогает ребенку через игры. В ходе наблюдения за взаимодействием матерей и отцов выявилось, что мать, даже играя с ребенком, старается унять его, успокоить, т.е. материнская игра своего рода продолжение ухода за ребенком. Отец, напротив, предпочитает силовые игры и действия, развивающие собственную активность ребенка, что способствует развитию моторики, освоению окружающего пространства, собственного тела, что является важным условием интеллектуального развития [4].

Что касается более старших детей, то, по мнению У. Маккея [4], хотя мужчины реже женщин бывают с детьми в общественных местах, основные параметры поведения — тактильный и визуальный контакт, дистанция в общении с детьми практически совпадают у отцов и матерей.

В. Фтенакис [4] выявил прямую связь между вовлеченностью отцов в воспитание и когнитивными достижениями их сыновей. Такая связь объясняется тем, что отец дает пример практического и действенного решения различных проблемных ситуаций, причем вовлеченность предполагает еще и эмоциональное участие. Матери же в проблемных ситуациях склонны скорее утешать, вселять уверенность, «все будет хорошо».

Дети «вовлеченных» отцов менее тревожны во внесемейных ситуациях; лучше справляются с фрустрацией; с большей вероятностью становятся эмпатийными взрослыми; более социабельны; имеют выше самоуважение и уровень притязаний [4, 7].

О. Б. Чиркова обнаружила, что отец играет важную роль в формировании у ребенка ответственности. Отцы придают большое значение самостоятельности, предоставляя детям отвечать за свои действия, и с большим уважением, чем матери, относятся к проявлению детьми независимости [7]. В. Н. Дружинин отмечает, что чем больше ребенок привязан к матери (по сравнению с отцом), тем менее активно он может противостоять агрессии окружающих. Чем меньше ребенок привязан к отцу, тем ниже самооценка ребенка, тем меньше он придает значения духовным и социальным ценностям, по сравнению с материальными и индивидуалистическими [6].

С. В. Липпо [11], изучая образ отца в качестве фактора самоактуализации личности, отмечает, что образ отца у подростков характеризуется сложной структурой и неоднозначным содержанием. Важной составляющей этого образа для подростков является успешность отца. Для мальчиков критерий успешности отца — его социальная значимость и материальные достижения. Для девочек — компетентность отца в построении межличностных отношений и его материальные достижения как один из способов заботы о семье. Образ отца, включающий признаки социальной успешности, является одним из важнейших факторов самоактуализации в подростковом возрасте. Сыновья успешных отцов, исполняющих роль главы семьи, более независимы и спонтанны в своем поведении, чаще разделяют ценности и цели творческой личности. Достижения отца повышают самоуважение сына-подростка. Соответствие стиля поведения отца эталону, приводит к тому, что его сын переносит свое уважение к отцу на человечество и воспринимает природу человека как положительную. Противоречивость

личностных качеств отца определяет способность мужчины к целостному восприятию мира, пониманию связанности противоположностей. Уверенное, лидирующее, но вместе с тем дружелюбное поведение отца способствуют росту уровня самоуважения мужчины.

Успешность отца и теплые отношения с ним связаны с умением дочери принимать свои отрицательные эмоции как естественные проявления человеческой природы и целостно воспринимать мир, что является характеристиками самоактуализирующегося человека.

При этом, наряду с оказанием позитивного влияния на самоактуализацию, отец может препятствовать этому процессу. Достигший большого успеха в своей жизни и опекающий отец подавляет стремление сына к самоактуализации. Излишне дружелюбное поведение, безграничная поддержка, оказываемая отцом в детские годы, приводят мужчину к дискретному восприятию своей жизни, неумению проследить связь своего прошлого с настоящим и будущим.

Формально присутствующий отец, не включенный в отношения с дочерью, подавляет гибкость, спонтанность девочки-подростка, снижает ее самооценку. Покорность отца по отношению к различным жизненным трудностям перенимается дочерью и воспроизводится ею, препятствуя саморазвитию и реализации заложенных в ней способностей. Избыточная забота, постоянная готовность помогать и поддерживать дочь, хотя и приводят к формированию позитивного фона их взаимоотношений, но в то же время способствуют формированию зависимости, несамостоятельности дочери. Директивное, эгоистичное и агрессивное поведение отца приводит к нарушению у женщины эмоциональных контактов с другими людьми, снижает уверенность дочери в своих силах.

Влияние отца на полоролевую идентичность подростков и юношей

Отец имеет важнейшее значение для возникновения у ребенка принадлежности к мужскому или женскому полу (ядерная половая идентичность) и овладения способами поведения, свойственными мужчинам и женщинам (полоролевая или гендерная идентичность). Идентификация мальчика с отцом способствует отделению от матери и деидентификации с ней. В исследовании О. Г. Калиной и А. Б. Холмогоровой [8] установлено, что для формирования адекватной полоролевой идентичности мальчиков уровень маскулинности отца не значим, идентификацию ребенка с отцом облегчает степень его теплоты и эмоциональной вовлеченности. Однако с маскулинностью отцов положительно коррелирует фемининность дочерей. Считается, что для успешного принятия женской половой роли девочка должна испытывать гордость от ощущения себя женщиной и идентифицироваться с матерью в ее взаимоотношениях с отцом.

Фактическое отсутствие отца в семье не является прямым препятствием к развитию адекватной полоролевой идентичности, так как большое значение имеет «внутренний отец», т.е. образ отца, представленный в психике ребенка. Обнаружено, что наиболее существенно отсутствие отца сказывается на маскулинности (уменьшается) и симптомах депрессии (увеличиваются) младших подростков-мальчиков (10-11 лет), в том случае если образ отца у ребенка амбивалентен. Для старших подростков-юношей отсутствие отца в семье не будет существенно отражаться на их маскулинности, если образ отца позитивен или амбивалентен. Однако если образ отца негативен или недифференцирован и отец не живет с сыном, его маскулинность будет существенно ниже, чем, если бы отец жил с ребенком, даже в случае его негативного образа. То есть, если в образе отца есть позитивная составляющая, то независимо от наличия отца в семье маскулинность подростка значимо не изменится. Однако если образ негативен, факт наличия в семье отца будет иметь решающее значение.

Для формирования позитивного образа отца при его отсутствии у подростка наиболее существенное значение имеет влияние матери. Именно она помогает ребенку создать репрезентацию отца в условиях дефицитарности общения или полного отсутствия.

Н.Е. Харламенкова [14] выделила механизмы отцовского влияния на гендерную идентичность подростков и юношей.

По ее мнению, влияние отца на формирование гендерной идентичности дочери проявляется в запуске механизма разотождествления с матерью. Механизм поддержки отцом фемининности дочери состоит в том, что тенденция матери воспринимать свою дочь просто как ребенка нивелируется отцом, который перестраивает транслируемые матерью диффузные роли в гендерные. Отец акцентирует элементы женственности дочери, является проводником к ранее недоступной информации, поддерживает дочь в построении новых отношений особенно с противоположным полом. Чувства ревнивого и одновременно гордого родителя подчеркивают амбивалентность его роли, направленной на расширение опыта и защиту суверенности девочки.

Во взаимоотношениях с сыном отец моделирует ситуации, в которых успешность сына определяется уровнем его мужественности (часто пока еще отсутствующей). Механизм развития подростковой маскулинности состоит в актуализации проекции черт мужественности на мальчика. Субъектом такой проекции выступает отец. К юношеству дифференциация гендерной идентичности усиливается во многом потому, что проективное поведение отца замещается действиями, реализуемыми совместно с сыном. Накопление маскулинного опыта осуществляется в диалоге с матерью, реструктурированном отцом. Отец не нарушает связи матери с сыном, он трансформирует ее в новые отношения – в диалог матери и взрослого сына-мужчины, контролируя и поддерживая его действия в ходе апробации мужского поведения, направленного на решение проблем. Позднее накопленный юношей опыт переносится на собственные семейные и профессиональные отношения.

Автор также указывает, что в юношеском возрасте наблюдается контрастность оценок матери и

отца в восприятии гендерной идентичности сына. Мать находит у юноши много женских черт, отец же воспринимает юношу как однозначно маскулинного.

Нами были изучены особенности полоролевой и возрастной идентификации, системы самооценок и отношений, восприятия воспитательной практики родителей, личностных особенностей подростков с различными вариантами нарушений психического развития: с легкой умственной отсталостью, ДЦП и нарушениями слуха [9].

При факторном анализе наибольшую информативность получил фактор, определенный нами как «влияние отца». В него вошли переменные, диагностированные с помощью методики «Подростки о родителях» (ПоР) Л.И. Вассермана, И.А. Горьковой,

Е.Е. Ромицыной («непоследовательность», «враждебность», фактор критики, «директивность», «автономность», «позитивный интерес»). В соответствии с выделенным фактором, можно утверждать, что в полной семье большее влияние на личностное развитие подростков имеет отец. В первую очередь, это обусловлено возрастными задачами развития (потребность в самостоятельности и независимости, выбор профессионального пути, изменение социального статуса, расширение круга общения и качественно новый уровень взаимодействия с социумом, стремление к успехам и достижениям, увеличение ответственности и др.).

Подростки становятся особо чувствительными к взаимоотношениям с отцом, прежде всего, к предсказуемости реакций и действий отца на свои высказывания и поведение (переменная — «непоследовательность» отца). Немаловажно, что многие отцы по отношению к своим детям ориентируются либо на эталон «идеального ребенка», проявляя сверхтребовательность, либо стремятся соответствовать образу «хорошего отца», ориентируясь на нормы и правила общества, проявляя скептичность к достижениям ребенка и постоянное недовольство. Если ребенок не соответствует ожиданиям отца, в «наказание» за это следуют холодность и отвержение, что воспринимается подростками как враждебность.

Особый интерес представляет тот факт, что в фактор «влияние отца» вошли все показатели воспитательной практики отца, кроме показателя близости. Поскольку данный показатель характеризует степень проявления теплых чувств и принятия своего ребенка, то можно предположить, что отцы в силу разных причин практически не реализуют функцию эмоциональной близости с детьми. Такой вывод представляется достаточно очевидным, поскольку при оценке близости низкие значения были зафиксированы у 45,2%, средние — 20,4%, а высокие - только у 13,4% обследованных нами подростков. Более того, подростки привыкли ожидать от своих отцов не проявлений эмоциональной близости, а критику и руководство. По всей видимости, функция эмоциональной близости и принятия в существующих представлениях о распределении ролевых обязанностей в семье, полностью переносится на мать.

Исследование полоролевой идентификации, проведенное нами с помощью методики «Возраст. Пол. Роль.» (ВПР) Э.Г. Эйдемиллера, В. Юстицкиса,

С. В. Кудрявцевой, показало, что в целом и для юношей, и для девушек значимость мужского пола выше, чем женского.

При оценке полоролевой идентичности выявилось, что у всех девушек и юношей фемининная полоролевая идентичность доминирует над маскулинной. Для девушек это является показателем нормы, при этом в отличие от девушек других групп, у девушек с ДЦП коэффициент фемининности преобладает над коэффициентом маскулинности незначительно, что, по всей видимости, указывает на некую задержку в формировании адекватной полоролевой идентичности.

Преобладание фемининности у юношей указывает на наличие некоторых трудностей в формировании адекватной полоролевой идентичности. Данные нашего исследования о недостаточной маскулинности юношей с нарушенным развитием в сочетании с отсутствием их эмоциональной близости с отцом полностью согласуются с выводами О.Г. Калиной и А.Б. Холмогоровой о том, что для формирования адекватной полоролевой идентичности мальчиков важна идентификация с отцом, которая в немалой степени зависит от теплоты и эмоциональной вовлеченности отца.

Также было показано, что при адекватной половозрастной идентификации подростков снижается значимость фигуры родителя противоположного пола — уменьшается психологическая зависимость и конфликтующе-отвергающее отношение становится ближе к нейтральному.

Влияние отцовства на оптимизацию развития личности самого отца в период взрослости

Отцовство связано с такими характеристиками личности как потребности, влечения, желания, установки, ценностные ориентации, с мировоззрением и Я-концепцией. Для мужчины — это проблема личностного развития. Подрастающий ребенок становится продолжением мужчины, удовлетворяет потребность в ученике, в собственной значимости и нужности. Многое зависит от того, насколько роль отца принимается мужчиной, причем не только в операциональном аспекте реализации, но и в личностном принятии, интернализации роли отца конкретным мужчиной. В роли отца человек сталкивается с правдой жизни, реализмом, неумолимыми закономерностями, истиной. Модель правильной жизни, которую надо освоить, выстраивается из экзистенциальных переживаний об осознанной, рационально понятой возможности их воплощения в жизнь. Практически освоение психологического содержания роли отца начинается с обостренного переживания беззащитности жизни, ее хрупкости, уязвимости. За этим переживанием сознание собственной силы и возможности защитить жизнь — конкретную — ребенка, жены — и жизнь вообще, как явление. В период взросления у мужчины есть шанс пережить это чувство во время появления на свет ребенка. Линия развития мужчины в

период взросления – строить свои отношения с членами своей семьи на основе разумного правильного представления о цели и смысле семейных отношений и распределении семейных ролей. Его концепция жизни, его отношение к семье, к назначению и цели семейных отношений выливаются не только в переживания, но и в конкретные умения, связанные с ориентацией в психологической информации (экономические знания и навыки планирования семейного бюджета, коммуникативные навыки ведения межличностных переговоров и разрешения конфликтов). Освоение родительской роли требует от человека в период взросления принятия на себя обязательств, которые, будучи ролевыми ограничениями, должны быть осознанно приняты как формы реализации его жизненных сил, возможностей, энергии. Проблемы начинаются там, где эти обязательства бесконечны и непосильны, они истощают человека, подрывают его силы [1].

Исследования показывают [4], что мужчины-отцы более удовлетворены жизнью, отличаются самоконтролем и соблюдением социальных норм, менее склонны к риску и менее подозрительны, более терпимы и ответственны, практичны. Сравнение представлений мужчин о вкладе идеального отца в развитие ребенка с характеристикой собственного вклада выявило, что конкретный отец, кроме статуса защиты и воспитания в самом широком смысле, еще формирует у ребенка практические навыки, таким образом, участвуя в передаче опыта следующим поколениям, что в терминах Э. Эриксона называется продуктивностью и является основной задачей развития в период взрослости. Эти данные полностью согласуются с положениями Г. С. Абрамовой, П. Хейманса и других, которые выделяют в качестве важнейшего параметра развития личности просоциальное поведение и выполнение родительской функции; положениями В. Франкла и Э. Фромма, которые в качестве критериев рассматривают ответственность, духовность, любовь к другому человеку, заботу. То есть, можно рассматривать отцовство в качестве социально-психологического фактора оптимизации личности мужчины в период взрослости.

Подводя итоги рассмотрения существующих теоретических и эмпирических исследований феномена отцовства, можно констатировать бесспорную актуальность и высокую значимость дальнейшего изучения различных аспектов этой проблемы.

1. *Абрамова Г.С.* Возрастная психология: Учебное пособие для студентов вузов. — Екатеринбург, Деловая книга, 2002. — 704 с.
2. *Архиреева Т.В.* Гендерная идентичность мужчин как детерминанта мотивационно-ценностных компонентов отцовства // Семейная психология и семейная терапия. № 1. — 2007. С. 27-42
3. *Архиреева Т.В., Федосова О.В.* Психологическая готовность к отцовству у мужчин в возрасте от 16 до 35 лет // Семейная психология и семейная терапия. № 1. — 2008. С. 3-11
4. *Борисенко Ю.В.* Психология отцовства. — Москва — Обнинск, ИГ — СОЦИН, 2007. — 220 с.
5. *Борисенко Ю.В.* Опыт исследования этапов формирования отцовства // Психология в вузе. № 1. — 2007. С. 27-40
6. *Дружинин В.Н.* Психология семьи. — СПб., Питер, 2006. — 176 с.
7. *Ильин Е.П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. — СПб., Питер, 2002. — 944 с.
8. *Калина О.Г., Холмогорова А.Б.* // Вопросы психологии. № 1. — 2007. С. 15-26
9. *Кокоренко В.Л.* Полоролевая, возрастная идентификация и система самооценок у подростков с отдельными вариантами нарушений психического развития. Автореф. Дисс. К. психол. н. — СПб. 2006. — 28 с.
10. *Кон И.С.* Мужчина в меняющемся мире. — М., Время, 2009. — 496 с.
11. *Липпо С.В.* Образ отца как фактор самоактуализации личности. Автореф. Дисс. К. психол. н. — СПб. 2006. — 21 с.
12. *Овчарова Р.В.* Психологическое сопровождение родительства. — М., Изд-во института психотерапии, 2003. — 319 с.
13. *Фромм Э.* Искусство любить. — СПб., Азбука, 2001. — 224 с.
14. *Харламенкова Н.Е.* Роль отца в дифференциации гендерной идентичности // Психологический журнал. Том 28, № 3. — 2007. С. 56-64